

УДК 82.091

**ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ
В РАЗВИТИИ ОДНОГО СЮЖЕТА***Л.Ф. Хабибуллина***Аннотация**

В статье рассматриваются романы, обладающие чертами сюжетного сходства: «Рождественские каникулы» С. Моэма, «Леди Л.» Р. Гари, «Подруга французского лейтенанта» Дж. Фаулза. Сюжеты произведений анализируются с точки зрения соотношения принципов изображения английского, французского и русского компонентов, присутствующих с разной степенью проявленности во всех трёх текстах.

Ключевые слова: английская литература, С. Моэм, Дж. Фаулз, Р. Гари, национальный компонент, национальный смысл.

Роман У.С. Моэма «Рождественские каникулы» (1939) не относится к числу наиболее известных произведений автора, однако он заслуживает особого внимания хотя бы потому, что, на наш взгляд, его сюжет имеет отношение к двум известным произведениям европейской литературы – это «Леди Л.» (1963) Р. Гари и «Подруга французского лейтенанта» (1969) Дж. Фаулза. С. Моэм, наряду с Э.М. Форстером, стал одним из английских писателей, по-новому обратившихся к проблеме национального другого, что, возможно, является трансформацией их представлений о роли и месте в английском обществе гендерного «другого», так или иначе, именно в его произведениях получают развитие в английской литературе «китайская», «малайская», «русская» темы. С. Моэм в своём творчестве использовал, а чаще трансформировал сложившиеся стереотипы восприятия, дал собственный рецепт отношения к «другому»: «оптимальный вариант строительства отношений между представителями разных цивилизаций Моэм видел в соблюдении принципа “не переступай границу”» [1]. В творчестве Р. Гари эта тема становится результатом его собственной смешанной идентичности, для Дж. Фаулза проблема «английскости» становится ключевой и рассматривается в сопоставлении с «французскостью»: «для романа Фаулза “французскость” и способность её принятия, главным образом, становится способом обозначить уровень “английскости” героя» [2, с. 96].

Каждый из трёх названных нами романов уже привлекал внимание исследователей, при этом наиболее изученным произведением является «Подруга французского лейтенанта» Дж. Фаулза. Два других романа не были признаны критикой наиболее значимыми в творчестве авторов: у Моэма чаще других рассматривался роман «Театр», в творчестве Гари наиболее привлекательными оказались такие произведения, как «Обещание на рассвете» и «Жизнь впереди»,

роман, вышедший под псевдонимом Эмиль Ажар. Возможно, роман «Леди Л.», написанный автором на английском языке, остался менее изученным, особенно в отечественном литературоведении, в силу его культурной и языковой сложности. Сходство сюжетных схем этих произведений не становилось предметом рассмотрения в многочисленных работах, посвящённых интертекстуальности романа Дж. Фаулза, и, насколько нам известно, произведение С. Моэма не упоминается в них в качестве текста-предшественника [3–5], в то же время о внимании Дж. Фаулза к творчеству С. Моэма говорит хотя бы тот факт, что название одного из важнейших романов Фаулза (“The Magus”, 1966, 1977) с небольшими изменениями было позаимствовано у его литературного предшественника – роман Моэма «Маг» (“The Magician”) вышел ещё в 1908 году¹.

В романе Р. Гари трансформация сюжетной схемы произведения Моэма более очевидна, однако сохраняется система образов: проститутка, её криминальный любовник, почтенный англичанин. Расширяется история отношений героини и её любовника и редуцируется и одновременно «расщепляется» образ англичанина – это и богатый муж, спасающий женщину от её судьбы, который воспринимает терпимость и доброту моэмовского персонажа, и слушатель её истории, воспринимающий его ограниченность, становящуюся главным объектом издёвки героини. В романе Дж. Фаулза заимствуется образ главного героя, благополучного англичанина, вместе с его именем, ситуация взаимоотношений Чарльза с необычной женщиной и мысль об ординарности главного героя, которая не дала ему возможности изменить жизнь. В обоих романах соблюдаются элементы сюжетной схемы романа воспитания. Дополнительным акцентом, говорящим в пользу сделанного сравнения, в романе «Подруга французского лейтенанта» становится упоминание о «французском» эпизоде в жизни Чарльза, после которого «о его слегка потускневшей девственности уже не было и речи» (ПФЛ, с. 14).

В романе «Рождественские каникулы» в наибольшей степени значимы национальные смыслы, связанные с «русскостью» и «английскостью», которые являются вполне стереотипными и отчётливо ценностно окрашенными. Английский мир для главного героя является своим, и он составляет его часть, будучи отпрыском семейства, разбогатевшего в предыдущих поколениях, сделавшим выбор между творчеством и коммерцией в пользу последней, хорошим сыном и братом, человеком ограниченных, но твёрдых взглядов. Семья Чарльза, не самая консервативная, характеризуется через отношение к искусству: «Они неизменно бывали на театральных премьерах и входили в общества, что ставят пьесы, которые считаются недоступными пониманию широкой публики. Они сразу же прочитывали книги, о которых говорят. И не только потому, что им это нравилось, но и потому, что надо же идти в ногу со временем. Они искренне интересовались искусством, и малейшая попытка посмеяться над ними оттого, что им недоставало смелости, а их оценкам оригинальности, была бы несправедлива. Возможно, суждения их были традиционны, но то была традиционность высочайшей культуры их времени» (РК, с. 25).

¹ Система образов романов тоже имеет черты сходства, прежде всего могут быть сближены образы «магов» Оливера Хаддо и Мориса Кончиса, однако развернуть доказательства этого сходства в рамках данной публикации не представляется возможным.

Сюжет разворачивается вокруг «французского» эпизода в жизни Чарльза, но в центре этого эпизода русская женщина Лидия, чья история меняет представление Чарльза о жизни. Итогом путешествия Чарльза становится осознание банальности и неподлинности спокойного «английского» существования: «А ночной кошмар, от которого, как воображал Чарли, он счастливо очнулся, на самом деле страшная действительность, рядом с которой всё остальное самообман. Это нелепо, это противоречит здравому смыслу, но она, вся та страшная действительность, словно исполнена силы и тайного смысла. И значит, жизнь, которую он делит с этими тремя, – с отцом, матерью и сестрой, столь дорогими его сердцу, и вся прочая благопристойная, но заурядная окружающая жизнь, которая выпала ему по воле слепого случая, – уютно укрыла и защитила, это всё лишь театр теней» (РК, с. 279).

Русская тема в романе сопровождается генерализациями (термин Э. Саида [6, с. 127]), создающими негативный образ русских: «Конечно, со времени революции русские заполонили Париж, мы сыты по горло и ими самими, и их славянским нравом. Поначалу клиентов это забавляло, но теперь уже стало надоедать. Русские слишком шумные и вздорные. Сказать по правде, они варвары и не умеют себя вести» (РК, с. 59). Или: «Понимаете, всем обрыдли русские, обрыдли русские рестораны и русские оркестры» (РК, с. 62). Или: «В русских все видели людей ленивых и ненадежных. Всем они надоели» (РК, с. 125).

Отношение к русским и России в произведениях Моэма исследователи вполне справедливо связывают с провалом его миссии по предотвращению революции, о которой сам автор высказался следующим образом: «Я не прошу мне верить, что, если бы меня послали в Россию на полгода раньше, я бы, может быть, имел шансы добиться успеха. Через три месяца после моего приезда в Петроград грянул гром, и все мои планы пошли прахом» (ПИ, с. 150). Впечатление от этой миссии сказалось и в романе, где упоминается имя Керенского (РК, с. 69), с которым Моэм был знаком, и активно обсуждается революционная тема. Раскрытие этой темы в романе, как и влияние на освещение русской темы контекста творчества Достоевского, рассмотрено Т.Л. Селитриной, которая убедительно показывает связь чрезмерной эмоциональности русской героини, вызывающей негативное отношение автора, с её глубоким пониманием красоты искусства, которое Моэм вслед за Достоевским высоко ценит [7, с. 95–103]. Любовь русской героини к своему мужу, вору и убийце Роберу Берже, выглядит в романе чрезмерной и неуместной, в то время как её глубокое чувство прекрасного даёт Чарльзу новое понимание искусства.

Образ Робера Берже, который соотносится с образом Раскольникова [7, с. 92–95], не связывается напрямую с «французскостью», она значима лишь в контексте его взаимоотношений с матерью. В романе эта женщина охарактеризована как «рассудительная, практичная француженка, которая ни за что не позволит ему ставить под угрозу его будущее и которой он предан, как может быть предан матери только француз» (РК, с. 125). О рассудительности и серьезности французов в романе упоминается неоднократно, особенно в связи с проблемой брака, поэтому обаятельный Робер Берже не вписан в систему французского национального, постоянно подчёркивается его исключительность, хотя, как известно, именно его образ имеет реальный прототип [7, с. 102].

«Русский» контекст романа Р. Гари «Леди Л.» менее очевиден. Общеизвестно, что прототипом главной героини романа стала первая жена Гари, писательница Лесли Бланш, менее известно то, что главной любовью в её жизни была любовь к России, с Гари она познакомилась именно потому, что сразу почувствовала, что он русский [8]. Из всего своего творчества Лесли Бланш отдавала предпочтение роману «Сабли рая», биографии имама Шамиля, также посвящённого русской теме.

В романе «Леди Л.» открыто противопоставляются два мира, английский и французский, «русская» тема здесь присутствует имплицитно, в рамках политического контекста произведения², порождая ещё одно внутреннее противопоставление: обеспеченной и спокойной буржуазности, которую в конечном счёте выбирает героиня, и неистовой и разрушительной революционности, носителем которой становится Арман Дени. Оба центральных персонажа в романе французы; как и у Мозма, рассказчицей становится сама героиня, Арман Дени, как и Робер Берже, дан в восприятии других людей, прежде всего рассказчицы. «Французский» мир в романе предстаёт через свою маргинальную составляющую – это мир уголовников (Альфонс Лекер) и революционеров (отец Анетты Буден, Арман Дени), мир борделей и трущоб (это также связывает роман с произведением-предшественником).

Революционность в романе представлена через иронические символы: Свобода, Равенство, Братство, которые воспринимаются маленькой девочкой не как девиз французской революции, а как знакомые ей полицейские, которые арестовывают её отца, таким образом, они сразу трансформируются в романе в символы порабощения сознания иллюзиями будущего счастья. С идеями анархической революционности связаны не менее значимые имена Бакунина и Кропоткина, труды которых заставили отца Анетты уйти с должности топографа «пока его жена надрывалась на работе» (ЛЛ, с. 41). Сочетание французского и русского компонентов в романе, связанных идеей революции, оказывается почти неразделимым. Более того, вписывая образ Армана Дени в исторический контекст через описания его отношений с Интернационалом и лично Кропоткиным, Гари подчёркивает, что француз оказывается более радикальным, чем русские анархисты, его террористические методы не одобряются Кропоткиным: «Этот добряк Кропоткин был до невозможности сентиментален» (ЛЛ, с. 69). «Русскость» революционных идей подчёркивается и образом Платона Софокла Аристотеля Громова, певца и неудачника, участника боевой группы анархистов, взявшего себе, согласно авторскому примечанию, русский псевдоним (ЛЛ, с. 206). Образ главы уголовного мира Альфонса Лекера прямо восходит к образу Вотрена, о чём говорит и его особая, не без гомосексуального оттенка, склонность к Дени, и тем самым вписывается в контекст национальной литературы, а образ Армана Дени, как и образ Берже у Мозма, выглядит скорее наднациональным.

Если революционность французов роднит их с русскими, то буржуазность, представленная образом Анетты Буден («Леди Л.»), объединяет с англичанами.

² В романе появляются и эпизодические образы русских: русский посол, русские анархисты, – чаще всего в негативном контексте.

Образы англичан в романе не развёрнуты, но охарактеризованы. Даже потомки самой леди Л., являющиеся англичанами лишь наполовину, описываются как «бесцветные и чопорные персонажи» (ЛЛ, с. 21), приятель и адресат истории героини Перси Родинер, поэт-лауреат, наделяется талантом стереотипного мышления: «ему даже в банальности удавалось достигать величия, иногда превращавшего его речи в своего рода великолепный вызов оригинальности» (ЛЛ, с. 22). Исключение составляет герцог Глендейл, который соотносится с типом эксцентричного англичанина-путешественника. Как и Моэм, Гари обозначает отношение к искусству как главную положительную характеристику персонажа: «любовь к искусству стала в конце концов доминирующей силой его жизни» (ЛЛ, с. 131–132), однако он, в отличие от Армана Дени, не пытается воплотить идеал в жизнь и не отказывается ради этого от самой жизни. Спор гедониста Глендейла, сыгравшего созидательную роль в судьбе героини, и анархиста-террориста Дени, разрушающего её жизнь, становится идеологическим центром произведения. Сделав выбор в пользу Глендейла, то есть выбрав между безумной страстью и обеспеченным будущим последнее, Леди Л. отдаёт предпочтение буржуазной «английской» системе ценностей и образу жизни, который она ведёт, несмотря на презрение к нему.

Сходство романа Фаулза с романом Моэма определяется прежде всего характером (и именем) главного героя и теми итогами, к которым приводит его встреча с Сарой. Формулировка выводов романа, которую предлагает А. Долинин, перекликается с обозначенными выше идеями романа «Рождественские каникулы»: «Чарльз постепенно начинает понимать, что даже его просвещённый вариант викторианства есть лишь “защитная окраска”, скрывающая реальность, и что до встречи с Сарой он был “живым мертвецом” без свободы и любви, послушным исполнителем воли эпохи с её “железными истинами и косными условностями”. Он осознаёт, что его глубинные устремления и желания расходятся с требованиями системы, и он может сделать свой выбор: или “неподлинное” существование в рамках общественной структуры, сулящее деньги, комфорт, тепло домашнего очага, или “подлинное” существование вне её, сулящее любовь, тревогу, неустроенность, безбытность и бесстатусность, холод открытых пространств» [3, с. 13–14].

Фаулз, в отличие от предшественников, не заинтересован в расширении национальных смыслов, «русская» проблематика, которая у Моэма и Гари была одной из важных, находится за пределами его интересов, как и связанная с ней революционная тема. В центре его внимания собственно проблема «английскости», оттеняет которую «французскость», эта оппозиция коррелирует с оппозицией *культура – буржуазность*.

Известно, что тема искусства, культуры является сквозной для творчества Фаулза, определяя, например, его отношение к нации: «Культурная составляющая в творчестве Дж. Фаулза является основой для определения значения той или иной нации, и на этой основе он проводит сопоставление наций на уровне образов и “авторского” контекста романов» [9, с. 96]. Неудивительно в связи с этим, что, как и в романе Моэма, отношение к искусству, к культуре становится маркером, отмечающим «качество» героя, и в этом отношении показательны вкусы трёх центральных персонажей романа. Эрнестина, невеста

Чарльза, не выходит за пределы мещанских предпочтений своей эпохи, увлекаясь чувствительными поэмами и предпочитая сплетничать на концертах, а не слушать музыку (ПФЛ, с. 102–105, 113–115), Чарльз обладает более развитым вкусом, который тем не менее связывает его с эпохой и литературой (ПФЛ, с. 102–105, 394–395), что, по Фаулзу, является ещё одним признаком его «английскости» [9, с. 91–93]. Отношение к искусству Сары Вудраф является более сложным, чем у обоих «английских» персонажей. На протяжении развития романа она сама часто рассматривается как предмет искусства: так, не случайно, она оказывается в доме Данте Габриэля Россетти в качестве модели и её новый облик говорит о продолжении той тенденции к жизнотворчеству, которую она обнаруживала на протяжении всего романа (ПФЛ, с. 410–412). Став частью мира искусства, Сара в значительно большей степени по сравнению с типичными викторианцами реализуется как личность. В этом отношении образ Сары перекликается с образом русской героини Моэма, способной, в отличие от героя-англичанина, к глубокому и эмоциональному восприятию искусства.

Таким образом, во всех трёх произведениях в разной степени присутствуют «русская», «французская» и «английская» темы, причём в произведении Моэма, они воплощаются наиболее непосредственно и несут за собой распространённые в английской и европейской литературе значения. В романе Р. Гари национальные смыслы становятся предметом ярко выраженной иронической игры, что не мешает ему чётко обозначать негативное отношение к революционности, ассоциирующейся с «русскостью», и остроумно реабилитировать буржуазные ценности, ограниченность которых осуждается английскими авторами, при этом не менее остроумно связать криминальное начало не только с французской революционностью, но и с английской буржуазностью. Актуальная для англичан тема культуры не столь значима в этом произведении. Фаулз, сужая проблематику, во многом возвращается к моэмовским трактовкам, открывая в национальных смыслах, прежде всего связанных с «английскостью», новую глубину.

Summary

L.F. Khabibullina. Transformation of National Meanings within One Plot.

This paper discusses three novels with plot similarities, S. Maugham's "Christmas Holiday", R. Gary's "Lady L.", and John Fowles' "The French Lieutenant's Woman". The plots of these works are analyzed in terms of the relations between the principles of representation of English, French and Russian components showing themselves with different degrees of manifestation in all three texts.

Keywords: English literature, S. Maugham, J. Fowles, R. Gary, national component, national meaning.

Источники

ЛЛ – Гари Р. Леди Л. – СПб.: Симпозиум, 2003. – 270 с.

ПФЛ – Фаулз Дж. Подруга французского лейтенанта. – М.: Вече: РИПОЛ, 1993. – 440 с.

РК – Моэм С. Рождественские каникулы. – М.: АСТ, 2010. – 282 с.

ПИ – Моэм С. Подводя итоги. – М.: Иностран. лит., 1957. – 227 с.

Литература

1. *Креленко Н.С., Парфёнов И.Д.* Строительство британской империи и образ представителя «чужой» культуры в английской литературе XVII – XX веков. – URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9877/11.pdf>, свободный.
2. *Хабибуллина Л.Ф.* Национальный миф в английской литературе второй половины XX века. Содержание и функционирование. – Lambert Acad. Pub., 2011. – 371 с.
3. *Долинин А.* Паломничество Чарльза Смитсона // Фаулз Дж. Подруга французского лейтенанта. – Л.: Худож. лит., 1985. – С. 3–18.
4. *Аmineва Е.С.* Джон Фаулз и викторианская историческая и жанровая традиция // Историческая поэтика жанра. – 2006. – № 1. – С. 21–36.
5. *Жук М.И.* Мифологический подтекст в романе Джона Фаулза «Женщина французского лейтенанта» // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. – 2009. – Вып. 3. – С. 76–84.
6. *Саид Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. – СПб.: Русский мир, 2006. – 637 с.
7. *Селитрина Т.Л.* Русская тема в романе С. Моэма «Рождественские каникулы» // Селитрина Т.Л. Преемственность литературного развития и взаимодействие литератур. – М.: Высш. шк., 2009. – С. 90–103.
8. *Елисеева В.* Мир на листе бумаги // Вокруг света. – URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6657>, свободный.
9. *Зиннатуллина З.Р.* Художественная концепция национального в творчестве Джона Фаулза (на материале романов «Женщина французского лейтенанта», «Дэниел Мартин», «Червь»): Дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2012. – 181 с.

Поступила в редакцию
17.12.12

Хабибуллина Лилия Фуатовна – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: fuatovna@list.ru